

Вырезка из газеты

ОРЛОВСКАЯ ПРАВДА

г. Орел

8 ДЕК 1983

С МЫСЛЬЮ О РОССИИ

Страницы жизни И. С. Тургенева

Еще в 1869 г. Тургеневым был задуман очерк «Семейство Аксаковых и славянофилы». Дописан он был позже, примерно в 1878 г., и считался писателем лучшим из его произведений мемуарного характера. Очерк так и не был опубликован, притом сохранилось лишь его начало с припиской: «См. продолжение на отдельных листах». Но надежды на то, что они будут когда-либо обнаружены, очень мало. А ведь это те самые отрывки, которые могли бы подробно осветить один из интереснейших вопросов — сущность воззрений Тургенева на развитие России, так называемое «неисправимое (его) западничество».

Вернувшись из Берлинского университета, двадцатилетний Тургенев именует себя «закоренелым западником», «пронитанным философией Гегеля». Отчасти юношеское западничество Тургенева является своеобразной эмоциональной реакцией на крепостничество, программой-максимум его борьбы с «безобразиями окружающей среды». Именно тогда, в 1841 году, он знакомится и близко сходит с некоторыми членами семейства Аксаковых. Позже Тургенев напишет об этом: «В Москве существовало тогда несколько домов, в которых чуть не каждый вечер происходили словесные препирания о предметах важных... и ненужных — о предметах отвлеченных и политических».

И все же, что объединяло людей подчас диаметрально противоположных взглядов в этом «цеху словозвергателей»? Ответ дает Герцен, находившийся, как и Тургенев, в оппозиции к славянофилам: «Да, мы были про-

тивниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое чувство... чувство безграничной, охватывающей все существование, любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума, и мы, как Янус или двухглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как сердце билось одно».

Аксаковы, приверженцы общины, считали, что, пойдя по капиталистическому пути развития, став «обезьянами Европы», русское общество падет в бездну «полускопского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов». Тургенев же видел в «мире» (крестьянской общине) «одну лишь первоначальную, основную почву... форму, на которой строится, а не в которую выливается государство».

Отношение писателя к членам семьи Аксаковых было разным, но особенно неприемлемы были для него взгляды Константина Сергеевича. Известно несколько едких, а подчас и злых карикатур на него в произведениях Тургенева. И все же отцу Константина Сергеевича Сергею Тимофеевичу Аксакову, известному русскому писателю, Тургенев сообщал: «Я очень люблю спорить с ним, потому что, несмотря на наш крик и жар, дружелюбная улыбка не сходит у нас с души и чувствуется в каждом слове. А с ним во всем соглашаешься, и спросить не о чем, а между ним и тобой — целый враг».

Главным объединяющим их началом была любовь к русскому народу, «самому удивительному и загадочному народу в мире» (Тургенев), «которому свойственна душевная красота, одетая смиреннием, как рубищем» (К. Аксаков). Некоторые разногласия, недоразумения между Иваном, Константином Аксаковыми и Тургеневым как бы сглаживались бесконечным уважением, преклонением Ивана Сергеевича перед талантом их отца Сергея Тимофеевича Аксакова, замечательного писателя, певца русской природы, летописца русского быта XVIII столетия. Тургенев считал, что должен учиться у него слогу, «эпической ясности, простоте, напевности». С особым нетерпением ожидает Тургенев биографию Загоскина, написанную Аксаковым, познакомившись с которой, он пишет автору: «Я не читал подобной биографии на русском языке. Особенно меня поразило то место, где Вы говорите, что, читая Загоскина, «чувство народности незаметно поднимается со дна души».

Тургенев, как и Аксаков, считал, что близость к народу, способность понять простого человека, сочувствие, «любовь к меньшей братии» являются неотъемлемой чертой настоящего писателя. Он должен «...как бы вторично сделаться русским, проникнуться всей сущностью своего народа, его языком, его бытом» (Тургенев). В период особого сближения с семьей Аксаковых Тургенев создает повести «Муму», «Постоялый двор». О последней Сергей Тимофеевич напишет:

«Повесть превосходна!.. Это — русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом».

Перед реформой 1861 г. С. Т. Аксаков настоятельно убеждал находившегося за границей Тургенева в необходимости немедленного возвращения в Россию: «Нельзя жить на чужой стороне, когда решается судьба родины». Именно Аксаковым, уверенный в том, что найдет понимание, душевный отклик, Тургенев писал: «Пребывание во Франции произвело на меня свое обычное действие: все, что я вижу и слышу, как-то теснее и ближе прижимает меня к России, все родное становится мне вдвойне дороже».

На чужбине он чувствовал себя «как бы вывихнутым», растением, вырванным из родной почвы. «Если я живу здесь, то вовсе не для нее (Франции), — писал Тургенев, — и не для Парижа, а в силу обстоятельств, не зависящих от моей воли. Но весна придет, и я полечу на родину, где еще жизнь молодая и богата надеждами. О, с какой радостью я увижу наши полустепные места».

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев характеризует западничество своего первого друга Белинского, и некоторые положения статьи, безусловно, можно отнести к самому Ивану Сергеевичу: «...он был глубоко убежден в необходимости восприятия Россией всего, выработанного Западом, для развития собственных ее сил, собственного ее значения. Да, ...он любил Россию, но он так же пламенно любил просвещение и свободу: соединить в одно эти высшие для нее интересы — вот в чем состоял весь смысл его деятельности, вот к чему он стремился».

Н. САПРОНОВА.
Научный сотрудник музея
И. С. Тургенева.